

Иудейско-христианско-исламский сюжет об Иосифе и буддийская легенда о принце и голодной тигрице (по материалам их переводов, языка и искусства)

Мурадгелди Соегов, Национальный институт рукописей АН Туркменистана
msoyegov@gmail.com

Ключевые слова: Библия, Коран, буддизм, санскрит, история, туркменская литература, уйгурский перевод.

Key words: the Bible, the Koran, Buddhism, Sanskrit, history, literature of Turkmen, Uyghur translation.

В статье предпринята попытка по выявлению идентичности первичного источника иудейско-христианско-исламский сюжета об Иосифе и буддийской легенды о принце и голодной тигрице. С целью решения поставленной задачи в сравнительном плане рассматриваются некоторые материалы переводов произведений, созданных по данной тематике, а также факты отдельных языков и образцы изобразительного искусства.

Начнем с туркменского устного фольклора. Пословица “Müsürde şa bolaňdan öz ilinde (ýa-da Kenganda) geda bol” (“Чем стать правителем в чужом Египте, лучше быть нищей в своей родной стране (или Ханаане)”) очень популярна с давних времен среди туркменского народа, испытавшего в своей богатой истории, как могущественный суперэтнос в прошлом, неопределенное количество переселений, больших и малых, далёких и близких [См.: Соегов 2010: 265–266], и создавший также такие пословицы и поговорки, порою с взаимоисключающим содержанием, какими являются “Türkmeni göçürjek bolsaň, ýanyndan göç geçir” (“Если хочешь, чтобы туркмен перекочевал вместе с вами, то свою кочёвку проводи около него”), “İki göç – bir talaň” (“Две кочёвки равны одному гребёжу”), “Ol eşekde ýüküm ýok, ýukuylsa habarym ýok” (“На том осле моего груза нет, если и упадет из-за тяжести груза – мне безразлично”) и др.

Топоним Кенган, присутствующий в одном из двух вариантов приведенной выше туркменской пословицы, соответствует местности Ханаан в Палестине, По библейским сказаниям является родиной Иосифа Прекрасного (по Корану пророк Юсуф), сына патриарха Иакова (по Корану пророк Якуб). В другом варианте пословицы вместе Кенган употреблено словосочетание “öz ýurduň” (“своя родная страна”), и тем самым намекается на Туркменистан (т.е. страну туркмен в широком смысле этого топонима). Здесь очевидно наряду с древними сказаниями об Иосифе (Юсупа) содержатся также следы той средневековой эпохи, когда небольшая часть туркмен совместно с кипчаками переселилась в Египет и стала править им, обосновав свои династии Ейюбидов и Мамлюков (“белокурых рабов”).

Великий туркменский поэт-классик Махтумкули Фраги (1733–1818) в своих пламенных стихах-гошгы для отражения собственных переживаний часто обращается к образу Юсупа и его отца Якуба, о чем свидетельствуют следующие строки (в переводах А. Тарковского) [Махтумкули 1983: 79, 85–86]:

*Кровь козленка, смотри, запятнала сорочку твою...
Ты дрожал, видя волчьи следы на пустынном песке,
От родного Кенгана, от ласки отца вдалеке...*

*Вечно плача, ослеп твой отец, престарелый Якуб...
И предатели-братья, раскаявшись, пали у ног...*

Или

*Якуб, рыдающий, тоскую,
Бреду, воззвав: “Юсуп, Юсуп!”
Не слезы лью, а кровь живую,
В бреду, воззвав: “Юсуп, Юсуп!”*

*Вокруг меня тьма темь ущелий,
Тень пала, тучи налетели;
Двенадцать гор и семь ущелий
Пройду, воззвав: “Юсуп, Юсуп!”*

Махтумкули Фраги на основе распространенного среди народа сюжета, и используя при этом данные из книги “Кысас ул-Енбия”, создал небольшую поэму под названием “Повесть о Юсупе” (перевод А. Тарковского) [Махтумкули 1983: 80–82]:

*Из древней книги “Жития пророков”
Особенно я полюбил, друзья,
Рассказ о многих бедствиях Юсуна.
Как мед устам, он сердцу мил, друзья.*

*Юсупово спокойствие в страдании –
Для нас благой пример и назидание.
Жил муж Якуб, как говорил предание,
Из рода Ялавач он был, друзья.*

*Шесть жён, двенадцать сыновей имел он,
Несчастье от Бога претерпел он,
И выплакал глаза, пока стерпел он:
Его создатель ослепил, друзья.*

*Где сын его? Нет милого сновидца!
В колодезь кинут братьями, томится
Юсуп злосчастный. Бога не боится
Ни брат Шумгун, ни брат Рубыл, друзья.*

*Они пригнали волка и сказали:
“Юсуна звери злые растерзали”.
Якуп взмолился небесам в печали,
И волк тогда заговорил, друзья.*

*Якуп сказал: “Поддай мне весть о сыне.
Следы его три дня ищут в пустыне”.
Волк, возвестив: “Юсуп твой жив и ныне!” –
Отцу надежду возвратил, друзья.*

*А Юсуна вся душа изныла:
Колодезь нем и тесен, как могила.
Но Бог послал на землю Джебраила,
И вот что сделал Джебраил, друзья:*

Юсупу длань возложил на темя,
Трёх суток плена облегчая бремя;
К ногам его, когда настало время,
Поверг одиннадцать светил, друзья.

Из Мисра в Шам той стороной глухою
Шёл караван, и два раба с бадьею
Отправились к колодезю за водою.
Юсуп легко в бадью вскочил, друзья.

И вышел через несколько мгновений,
Пригож, как месяц, из могильной тени.
Вознёс он Богу сто благодарений,
Рабов исламу приобщи́л, друзья.

Следите, люди, за игрою рока!
С Юсупом люди братья обошлись жестоко;
Он светом был родительского ока,
Купец его не пощадил, друзья.

“Я бедный раб!” – сказал Юсуп-смирени́к.
Родной Кенган покинул он как пленник
И продан был за восемнадцать денег.
Купец Мелик продешевил, друзья.

“Хоть в рост его, – оцени́ки сказали, –
Червонцев бы насыпали и дали
Рубинов лучших столько же – едва ли
Купивший бы переплатил, друзья!”

На площади, у трона золотого,
Простым рабом Юсуп назвался снова;
И сам правитель, как раба простого,
Его Зулейхе подарил, друзья.

Она, дрожа от яростного пыла,
Юсу́па в подземелье помести́ла.
Там шесть рабынь к страдальцу приступило,
Но он призрел тот женский пы́л, друзья.

И женицины его оклеветали:
“Он разорвал подо́лы нам!” – сказали.
Посаженный на цепь из крепкой стали,
Юсуп в неволе долго жил, друзья.

Вот он лежит в своей темнице тесной,
А падишаху снится сон чудесный,
А как ни бился звездочет известный,
А все же сна не объяснил, друзья.

Сон разгадал Юсуп. Он падишахом
Раскован был. Рыян с великом страхом

*Пред ним себя признал ничтожным прахом
И сердце к правде устремил, друзья.*

*Народа Мисра славили Юсуна,
Властителем поставили Юсуна,
И братья тут поздравили Юсуна:
Он их по доброте простил, друзья.*

*Махтумкули поет искусство Бога –
Вы эту песню не судите строго
И наслаждайтесь – мало жить иль много, –
Пока у вас хватает сил, друзья!*

Другой великолепный классик туркменской литературы XVII-XVIII вв. Нурмухаммед Андалиб по данному сюжету сочинил большой по объему дастан под названием “Юсуп и Зулейха”, который является продолжением традиции в литературе тюркских народов, заложенной еще в XIII веке поэтом Кул-Али в неоднократно изданной в последующем в Казани (Татарстан/РФ) поэме “Сказание о Юсуфе” [См.: Шарьяфетдинов 2009].

Таким образом, в туркменском фольклоре и литературе религиозный сюжет об Иосифе получил, можно сказать, глубокое художественное осмысление посредством, как малых, так и более крупных жанров.

В этом плане показательно отражение туркменской тематики в творчестве художника Рувима (Ильи) Моисеевича Мазеля (1890–1967). Попадая в описанную выше религиозно-фольклорно-литературную среду в начале прошлого столетия, молодой художник Рувим Мазель, еврей по национальности, так и не побывавший в Израиле (на земле обетованной), уловил в Туркменистане колорит Библии и разыграл ее вечные сюжеты в местных образах. Рувим Мазель под обаянием восточного базара наполняет свои библейские сюжеты – «Продажа Иосифа» (Рис. 1), «Авраам и три ангела» – колоритными туркменами в реалиях начала прошлого века [См.: Гомберг; Не-Коган].

Рис. 1. Рувим Мазель. Продажа Иосифа. 1933 год.
(здесь и далее рисунки воспроизводятся согласно соответствующим сайтам в
Интернете)

Как пишет Н. Апчинская, Рувим Мазель не только усматривал сходство туркмен начала XX века и древних иудеев, но порой почти отождествлял их. И кажется вполне закономерным, что в первой половине 1930-х годов он выполняет цикл графических и живописных произведений на сюжеты Торы, взятые из книг Бытия и Исхода. В графических листах, выполненных уже не в ковровом, а неоклассическом стиле, мы видим Авеля с лицом самого Р. Мазеля, олицетворяющего пастушескую культуру, и Каина, ее разрушителя. Замечательно красив лист, освещенный как будто не столько азиатским, сколько итальянским солнцем, с Авраамом и Саррой, принимающих трех ангелов. Первосвященник Аарон полон духовного величия. Моисей дарует народу скрижали Завета и умирает, созерцая Обетованную землю. Целый ряд работ посвящен истории Иосифа, любимого библейского персонажа Р. Мазеля; в графике и в живописи отражена вечная и особенно характерная для советских 1930-х годов ситуация предательства и страдания невинного. В похожей на грезу картине маслом «Бегство Иакова от Лавана» («Перекочевка». **Рис. 2**), наряду с библейским образом возникает как будто последнее видение старой Туркмении.

Рис. 2. Рувим Мазель. Бегство Иакова от Лавана (Перекочевка). 1930-е гг.

Уже в годы ВОВ художник напишет древних иудеев с ковчегом Завета, одетых в туркменские одежды и заклиняющих звуками длинных азиатских труб демонов XX века. И в этом, и во всех прочих произведениях серии мы видим своеобразную туркменизацию Библии, что было связано в равной мере со стремлением закамуфлировать библейский сюжет в эпоху воинствующей борьбы с религией и с желанием показать родственность иудаизма и ислама.

И в туркменских, и в библейских вещах Р. Мазель стремился к потаенности образов, а в ряде случаев – к «сокрытию лика», как бы продолжая в изобразительном творчестве, по мере возможности, не нарушать Вторую заповедь Моисея о запрете на изображение. Создавая психологические портреты, он подчеркивал неразгаданную тайну духовной жизни их персонажей. Поворачивал фигуры спиной к зрителю или зашифровывал в узорах коврового стиля, растворял объемы в растушевках, окутывал дымкой или, наоборот, замыкал в непроницаемо-чеканных формах [Апчинская 2008: 55–57. См. еще: Мазель Рувим (1890 – 1967; Мазель Рувим (Илья)].

Подобный анахронизм был характерен для раннесредневековой буддийско-уйгурской среды, в частности, некоторые его стороны вырисовывается при изучении

буддийской “Сутры золотого блеска (/золотистого света)”, переведенную с китайского языка на язык уйгуров в первой половине X века н.э. Переводил большую по объему “Сутру” знаменитый уйгурский ученый и литератор по имени Синкку (Siñku/Şiñku), который еще носил почетные титулы того времени Сели (Seli/Şeli) и Тутунг (Tutuñ) [См.: Тенишев 1953; Тенишев 1970: 24–31; Radloff-Malov 1913–1917]. О духовной близости уйгуров-буддистов с китайцами неоднократно сообщил в XI веке Махмуд Кашгарский, который также приводит бранный народный стих других тюрков об идоле уйгуров – Будде и местах ему поклонения [Atalay 1985 I: 343–344]. Перед тем, как перейти непосредственно к рассмотрению в сравнительном плане буддийско-уйгурской “Сутры золотого блеска” (“Алтун ярук”), хотим кратко остановиться на некоторых перекрестках исторических путей, пройденных родственными туркменским и уйгурским народами. Главный визирь и придворный историк монгольского государства Хулагуидов (Ильханидов) в Иране Рашид-ад-дин Фазлуллах Хамадани (1247–1318), еврей по национальности, название второго раздела главы об огузах и туркменах (“Огузнаме”) своего четырехтомного труда “Сборник летописей” (“Джами’ ат-таварих”) говорит, что «всем дядьям и родам, которые к нему присоединились, он (Огуз-хан – М.С.) дал имя уйгур, так как значение этого слова на тюркском языке – соединяться и помогать. Все племена уйгуров [происходят] от их рода. Другое племя он назвал канлы. Племена: кипчак, калач и агач-эри также происходят от того народа, который соединился с Огузом и смешался с его родом» [Рашид-ад-дин 1952: 74–75, 83]. Рашид-ад-дин в той же главе (раздел первый) своего труда, в частности, также пишет: «С течением времени эти народы (т.е. тюрки – М.С.) разделились на многочисленные роды, [да и] во всякую эпоху из каждого подразделения возникали [новые] подразделения и каждое по определенной причине и поводу получило свое имя и прозвище, подобно огузам, каковой народ теперь в целом называют туркменами [туркман], они же разделяются на кипчаков, калачей, канлы’ев, карлуков и другие относящиеся к ним племена» [Рашид-ад-дин 1852: 74–75, 83].

Хивинский хан и историк Абу-л-Гази Бахадур-хан (1603 – 1664), который вел свой род от Шейбана, сына Джучи, внука Чингисхана, был одним из образованнейших продолжателей династии Чингизидов в Средней Азии, пишет во введении следующие слова по поводу написания своего сочинения «Шеджере-и теракиме» («Родословное древо туркмен»): «...туркменские муллы, шейхи и беки прослышали, что я хорошо знаю историю; и вот однажды все они пришли (ко мне) и сказали: «У нас (в народе) есть много (разных списков) сказания об Огузе («Огузнаме»), но нет (ни одного) хорошего: все они (полны) ошибок и друг с другом не сходятся; каждый из них в своем роде». И когда они высказали просьбу: «Было бы хорошо, если бы была одна правильная, достойная доверия история», я уважал их просьбу... Этой книге мы давали название «Родословное древо туркмен»... Теперь мы поведем речь со (всеми) подробностями, (начиная) с Адама и до сего времени, т.е. до тысяча семьдесят первого года (соответствует к 1660 – 1661 гг. н.э. – М.С.), о том, что мы знаем о туркменах и об илях, которые присоединялись к туркменам и которые впоследствии носили имя туркмен» [Кононов 1958: 35–37].

Из этого явствует, что сочинение Абу-л-Гази является одним из «Огузнаме», существующих среди народа с давних времен, как в устной, так и в письменной форме. Конкретно об уйгурах находим сведения, несколько подробные, чем у Рашид-ад-дина. Поэтому, неслучайно, в самой ранней, дошедшей до нас рукописи «Огузнаме», которая хранится в Национальной библиотеке в Париже (Франция), родоначальник огузов-туркмен Огузхан, выступает как глава уйгуров.

Из современных ученых акад. В.В. Бартольд в 1926 году, выступая с основным докладом по истории на Первом Всесоюзном тюркологическом съезде

(Баку/Азербайджан), отмечал, что «в географической литературе IX–X вв. вместо уйгуров везде названы токузгузы; а это название, – по-турецки токуз-огуз, девять огузов, – входит не слово “уйгур”, а слово “огуз”, название, принадлежавшее не уйгурам, а их предшественникам и врагам, туркам орхонских надписей... История первого государства (т.е. Великой Сельджукской империи – М.С.) нам сравнительно хорошо известна; мы знаем, что народом-завоевателем был тот же огузский народ, который некогда господствовал в Монголии и который при исламе стали называть туркменами»; «Из всех турецких народностей только у туркмен есть свой национальный поэт, каким является для всех туркмен, несмотря на отсутствие политического единства в прошлом и частные войны между отдельными туркменскими племенами, Махтум-Кули» [Первый 1926: 26–27, 32]. Развивая мысль В.В. Бартольда об идентичности огузов-туркмен с орхонскими тюрками (гектюрками), С.Е. Малов на этом же съезде констатировал: «Язык этих енисейских памятников принадлежит кыргызам; язык памятников Орхонских и реки Селенги принадлежат древним огузам» [Первый 1926: 140].

В научном мире всем хорошо известны толкования, данные языковедом-энциклопедистом XI века Махмудом Кашгари к этнонимам «огуз», «туркмен» и «карлук»: “Огузы – это есть туркмены” [Atalay 1985 I: 55], “Туркмены – это есть огузы” [Atalay 1986 III: 412], “Карлуки – отдельны от огузов, но они также являются туркменами” [Atalay 1985 I: 473]. Средневековый ученый отделяет огузских туркмен (Oğuz Türkmenleri) от царствующих в то время тюрков (Hakanlı Türkler), т.е. карлукских туркмен, которые управляли Караханидским государством [Atalay 1985 I: 14].

Подводя общие итоги к приведенным выше историческим сведениям, можно заключить, что огузы / огуры в древности и туркмены в раннем средневековье представлялись единым суперэтносом (термин Л.Н. Гумилева), который объединял в себе предков почти всех современных тюркских народов, в том числе уйгуров. Первоначально они вошли в состав огузов и туркмен в качестве субэтносов, которые в процессе развития и в силу ряда исторических причин позже формировались как самостоятельные народы, при этом, продолжая оставаться небольшой частью (компонентом) в этногенезе туркмен в качестве мелких родов и племен (в скобках отметим: современный туркменский язык включает в себе около 30 диалектов и говоров, что соответствует примерному количеству современных тюркских языков).

Исходя из вышеуказанного постулата, мы хотим установить древнейшую фольклорно-литературную общность между туркменами (огузами) и уйгурами-буддистами, следы которой сохранились до наших дней. Если отдельные общие сюжеты составили основу мифов и легенд в более древние эпохи, то в дестанах многое из них были использованы в значительно поздние периоды. Переходим к конкретным примерам.

Рис. 3. Огромная статуя Будды. Гонконг.

Правитель (хан) с ответственным поручением отправляет своих сыновей в далекую страну. Один из сыновей (как правило, самый младший), который является любимым сыном хана, самостоятельно, без помощи братьев выполняет это трудное поручение. Старшие его братья, которые в это время были заняты другими, посторонними делами, хотят примкнуть к славе младшего брата и тем самым приобрести уважение отца. В этом заключается основной и самый древний сюжет туркменского дестана «Хуйрлукга и Хемра», а все остальное в него включено бахши-сказителями позже и является второстепенным. Допустить такое утверждение позволяет аналогичный сюжет древней легенды уйгуров-буддистов, которая под названием «Два брата» включена в книгу проф. А. фон Габэн «Древнетюркская грамматика» (3-е изд., Висбаден, 1974) [Gabain 1974: 307–309].

Данная книга по грамматике (первое ее издание вышло в 1941 году) содержит также буддийско-уйгурскую легенду под названием «Голодный барс» [Gabain 1974: 294–307], сюжет которой построен, как и предыдущая сказка, по модели «отец и его сыновья». Здесь самый младший из трёх братьев, действуя по буддийскому суевию, добровольно дает себя на съедание голодного барса. Описываемое в сказке душевное состояние его отца, когда узнает о случившемся [Gabain 1974: 303], напоминает состояние Якуба из туркменского дестана «Юсуп и Зулейха», когда старшие его сыновья, показывая кровавую одежду, сообщают об истерзанного якобы волком их младшего брата Юсуфа. По нашему мнению, эти два сюжета также имеют общую генеалогию. Вот отдельные сравнительные выдержки из буддийско-уйгурской «Легенды о принце и тигре» в русском переводе С.Е. Малова, которая соответствует «Голодному барсу» по А. фон Габэн:

«В прежде прошедшие времена в (одной) стране этой вселенной жил-был правитель-хан по имени Магаради... У такого превосходного, пламенного и сильного, и старшего из правителей-ханов от старшей жены его были рождены для взора любимые и милые, красивые лицом три сына. самого старшего его сына имя было Магабали. Имя второго его, среднего, сына было Магадиви. А имя третьего, самого

младшего сына, было Магастви» [Малов 1951: 179]. Это сведение в преамбуле рассказа соответствует сведению о Якубе и его трех сыновьях (Шумгун, Рубыл и Юсуп) у Махтумкули. «Прогуливаясь так, они увидели недавно оценившуюся самку тигра. Прошло уже семь дней, как оценилась это голодная тигрица. Она лежала совершенно готовая умереть, (жизненная) сила и крепость ее оборвались. Голод и жажда заставили ее из-за своих семи щенков издавать рев и лишили ее сила двигаться» [Малов 1951: 180]. Подобная симпатия рассказчика присутствует и к волку, который человеческим языком сообщает Якубу, что его сын Юсуп не съеден им, он жив и здоров. В конце легенды выясняется, что в образе тигрицы действовал сам Будда (Рис. 3), а волчица-мать, согласно китайским источникам, является прародителем тюркских народов.

«В это же время мать их – госпожа, находясь в городе в верхней части дворца, спала и видела чрезвычайно дурной сон. Грудь ее были совсем вырезаны, Коренные зубы ее в рту с тупились и выпали. Три птенца голубя попались соколу. Один из них был схвачен, а двое из них спаслись в сильном страхе, – говорила она, что видела такой сон!» [Малов 1951: 184]. У туркмен впадение зубов во сне считается дурной приметой, часто – предвестником смерти их хозяина или его самых близких. Сюда же можно добавить, что Юсуп обладал способностью разгадать сны. А по сюжету о голубе с птенцами и голодном соколе (ястребе), который собирается их съесть, Махтумкули создал небольшую поэму («Синий голубь»).

«Тогда второй приказный все по порядку правильно и совершенным образом доложил о пожертвовании царевичем-бодисатвой своего тела и обо всем, как это обстоятельство происходило. Эти слова правитель-князь и жена его услышали, и из-за возбуждения и тяжелого впечатления они ничего могли (сделать), а только и стонали... Когда они только что пришли в чувство, то руки свои воздев вверх, плакали и рыдали и так читали стихи: “что за несчастье случилось, наш ребенок, красивый младенец?! Каким образом смертные мучения пришли прежде (к тебе и все) погибли. Мне бы найти смерть в могиле прежде тебя! Что за денек?! Да не будет, что-бы мне увидеть, подобно этому (обстоятельству), великие и горестные тяготы”. Так он сказал» [Малов 1951: 186]. Эти слова очень созвучны со следующими строками Махтумкули: Где сын его? Нет милого сновидца! / Они пригнали волка и сказали: / “Юсупа звери злые растерзали”. / Якуп взмолился небесам в печали.

Если рассмотреть вопрос о «Легенде о принце и тигре» несколько просторно, то выясняется, что она является частью уйгурского перевода большой буддийской «Сутры золотого блеска», оригинал которой был составлен на санскрите [См.: Emmerick 2001]. В конце VII века уже нашей эры она переведена буддийским монахом Ицзином с оригинала на китайский язык. Перевод «Сутры» на уйгурский язык, как мы уже знаем, был осуществлен в первой половине X века с китайского текста. На уйгурском языке она названа: «Алтун онлук ярук ялтыраклы копта котирилмиш ном илики атлык ном» («Сияющая золотым блеском, над всеми превознесённая царь-книга»). «Сутре золотого блеска» в буддизме по настоящее время отводится большое значение (Лама Тубтэн Сопа Ринпоче: «Эта великая сутра, одна из самых главных сутр – Царь сутр. Когда эта сутра исчезнет, исчезнет и Учение Будды в этом мире»).

Если подводит краткие итоги всему изложенному, то можно констатировать, что блуждающий иудейско-христианско-исламский сюжет об Иосифе, который нашел свое глубокое художественно-эстетическое осмысление в туркменской литературе, разрабатывался заново в «Сутре золотого блеска» согласно канонам буддизма в форме «Легенде о принце и тигре». Легенда присутствует как в оригинале Сутры (санскрит), так и ее китайском и уйгурском переводах.

Рис. 4. Рельефное изображение быка в памятниках индийского города Махабалипурам (VII–IX вв.)

В конце также хотим отметить, что предки огузов-туркмен (хунну / гунны), исповедующие тенгрианство – свою исконную религию, будучи близкими соседями Китая, еще задолго до появления у уйгуров-буддистов «Сутры золотого блеска» испытывали культурное и языковое влияние буддизма. В качестве одного из многочисленных примеров позднего времени (VIII век нашей эры) можно привести следующую выдержку из памятника Тоньюкуку, служившему главным визирем (премьер-министром) у трех гектюрокских правителей (Кутлуг-каган, Капаган-каган и Бильге-каган), династия которых происходит от прямых потомков хунну (род ашина ‘волк’):

«Я сказал: “Не пожелать ли мне его каганом?” Я размышлял: “(О том), что у него есть тощие быки (и) жирные быки, если он издал и знает, (то) жирный (это) бык (или) тощий бык, сказать не может”. Вот так я думал. Затем, так как Тенгри (Бог) дал мне мудрость, именно я пожелал кагана» [Söyegov 2011: 752].

Тоньюкук в своей надмогильной речи обращается к образу быка (коровы) – священного животного в буддизме (индуизме) (**Рис. 4**), в очень ответственный момент, когда он рассказывает о назначении Кутлуг-кагана правителем государства. Хотя Тоньюкук для передачи значения ‘бык’ в составе устойчивого сочетания (фразеологизм, идиома?) использовал слово *бука* (этимолог. ср. с русск. *бык*), можно предположить об этимологической общности санскритского слова *укс* ‘бык’ с туркменской (общетюркской) лексемой *өкүз* ‘в том же значении’. В современном туркменском языке слово *бука* / *буга* имеет семантику ‘бык-производитель’, ‘племенной бык’, а происхождение туркменского слова *гэвмиш* ‘буйвол’, скорее всего, связано с санскритской лексемой *го* (праиндоевропейская основа **gʷous*). Но это уже тема для другой самостоятельной работы.

Литература

- АПЧИНСКАЯ Н. Рувим (Илья) Мазель (1890 – 1967) // Бюллетень Музея Марка Шагала. Вып. 15. Минск: Рифтур, 2008. (<http://www.chagal-vitebsk.com/node/65>)
- ГОМБЕРГ Г. Между Западом и Востоком. Уроки современной живописи (http://informprostranstvo.ru/N07_2008/vzglyad.html)
- КОНОНОВ А.Н. Родословная туркмен. Сочинения Абу-л-Гази [Бахадур-хана] хана хивинского. – М.-Л., 1958. – 192 с.
- МАЗЕЛЬ Рувим (1890 – 1967). (<http://museum-s.info/mazel.php>)
- МАЗЕЛЬ Рувим (Илья) Моисеевич (1890 – 1967). (<http://artinvestment.ru/auctions/40760/biography.html>)
- МАЛОВ С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.–Л., 1951, с. 145 – 199 (уйгурский текст и перевод двух легенд).
- МАХТУМКУЛИ. Избранное. Стихи. Перевод с туркменского. М., 1983, с. 414.
- НЕ-КОГАН М. Транзит отражений. (<http://www.lechaim.ru/ARHIV/196/ne-kogan.htm>)
- Первый Всесоюзный Тюркологический Съезд. Стенографический отчет. – Баку, 1926.
- РАШИД-АД-ДИН [Фазлуллах Хамадани]. Сборник летописей [Джами' ат-таварих]. Т. I. Книга первая. Перевод с персидского Л.А. Хетагурова. – М.-Л., 1952. – 198 с.
- СОЕГОВ М. По следам великих переселений туркмен в средние века // Plot of Oguznama as Historical and Cultural Source. Abstracts of Reports of the International Scientific Conference. Ashgabat, 2010. Pg. 265 – 266.
- ТЕНИШЕВ Э.Р. Грамматический очерк языка сочинения «Золотой блеск». Автореф. канд. дисс. Л., 1953.
- ТЕНИШЕВ Э.Р. «Кутадгу билиг» и «Алтун ярук» // Советская тюркология. Баку, 1970. – № 4. – С. 24 – 31.
- ШАРЯФЕТДИНОВ Р.Х. Трансформация коранического сюжета об Иосифе Прекрасном в поэме Кул Гали “Кысса-и Йусуф”. Автореф. канд. дисс. М., 2009.
- ATALAY B. Divanu lûgat-it-türk tercümesi. – Ankara, 1985, cilt I; cilt II, 1986; cilt III, 1986.
- EMMERICK R.E. The Sutra of Golden Light. The Pali Text Society, Oxford 2001 (английский перевод с санскрита).
- GABAIN A. von. Altürkische Grammatik. Dritte Auflage. Wiesbaden, 1974.
- RADLOFF W., Malov S., Suvarnaprabhasa, Das Goldlans-Sutra – Bibliotheca Buddhica, т. 17, СПб., 1913 – 1917.
- SÖYEGOV M. Tonyukuk Yazıtının Edebî Tarihî Bir Eser Olarak Değerlendirilmesi: Türkmençe, Rusça ve İngilizce Çevirileri // „Orhon Yazıtlarının bulunuşundan 120 yıl sonra Türklük Bilimi ve 21. yüzyıl“ konulu III. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu. Bildiriler kitabı. 2. cilt. Ankara, 2011.

Abstract

The paper attempts to identify the identity of the primary source of Judeo-Christian-Islamic story of Joseph and the Buddhist legend about a prince and a hungry tigress. In order to solve this problem in comparative terms are considered some of the materials translations of works created by the subject, as well as the facts of particular languages and samples of fine art.